

наталья
Александрова

Наталья
Александрова

Мини-
розы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Ксении Щербаковой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием
«Влюбленным вход воспрещен».

Александрова, Наталья.

А46 Миллион вялых роз : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Иронический детектив).

ISBN 978-5-17-112153-2

Соседка Маши Голубевой по коммуналке — любвеобильная Валентина — вела богатую и насыщенную личную жизнь, несмотря на то что главным мужчиной для нее всегда оставался Гоша Неподражаемый, мастер со станции техобслуживания. Неудивительно, что Валентина выходила за него замуж четыре раза. Или пять? Регулярные свадьбы, подвыпившие компании, шумные ссоры и не менее шумные примирения действовали Маше на нервы.

Чтобы увильнуть от очередного семейного праздника соседей, Голубева выпросила у сестры-риелтора ключи от пустой квартиры. Однако отдохнуть в приличных условиях ей не удалось — на полу в квартире уже отдыхал труп мужчины. Понимая, что она становится главной подозреваемой, Маша решает выяснить, кто оставил ей такой подарочек.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112153-2

© Н. Александрова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Ванная, как всегда, была занята. Из-за хлипкой двери доносилось громкое, жизнерадостное пение. Валентина, ужасно фальшивя, исполняла забытый шлягер:

— Золотится роза чайна-я!

— Валька, мне на работу надо! — крикнула я в дверь без надежды на успех.

— Между нами дверь стеклянна-я! — проорала она в ответ.

Я в сердцах пнула дверь. Хорошо, что она на самом деле не стеклянная: стеклянная от такого пинка разлетелась бы на куски, а эта только жалобно скрипнула. Правда, Валентина на этот раз услышала, щелкнула задвижкой и показалась на пороге.

Я невольно попятилась: ее лицо покрывала густая буро-зеленая субстанция, а огненно-рыжие волосы, накрученные на крупные бигуди, делали мою соседку похожей на какое-то сказочное чудовище со змеями вместо волос. Или просто на жабу в бигуди.

— Ты чего ломишься? — проквкала она, вынимая изо рта шпильку.

— Валь, ну пусти меня на десять минут! — взмолилась я. — Мне на работу нужно!

— Работа — не волк, в магазин не убежит! — ответила она наставительно. — И вообще, работа — она каждый день, а свадьба у человека бывает раз в жизни!

— Ну, уж и раз! — проворчала я, понимая, что в ванную мне сегодня не попасть.

— Ну, два! — уточнила она, не моргнув глазом. — Пусть даже три! Ну уж не каждый же день...

Конечно, Валентина сильно скромничает: только на моей памяти это у нее уже четвертая свадьба. Или даже пятая, я уже, честно говоря, сбилась со счета. Причем что характерно — с одним и тем же мужем.

Мы живем в одной квартире с Валентиной уже пять лет — с тех пор, как я в результате обмена получила комнату в этой квартире и соседку в придачу.

За эти пять лет я не устала поражаться ее богатой и насыщенной личной жизни. Притом, что главный мужчина у нее один — это Неподражаемый Гоша, мастер со станции техобслуживания.

Конечно, за эти годы у любвеобильной Валентины случались приключения на стороне, но Гоша — это ее судьба, это мужчина ее жизни, мужчина с большой буквы «М», как выражается сама Валентина словами из своего любимого сериала «Мелодия любви».

Правда, так она выражается исключительно в моменты примирений, перед очередной свадьбой. В другие моменты она называет его козлом, жирным кабаном, сволочью красноносой и еще многими не столь литературными именами.

Их взаимоотношения строятся на циклической основе, как времена года в нашем нездоровом северном климате. Время от времени они переживают недолгую, но бурную весну чувств, завершающуюся очередной свадьбой, затем еще более короткое лето благополучной семейной жизни, после чего наступает промозглая осень с охлаждением отношений, непрерывными скандалами, взаимными упреками и обвинениями. Все это завершается очередным разводом, и наступает суровая северная зима.

Правда, в отличие от нашего унылого климата, их отношения протекают на высоком эмоциональном градусе: разрыв — так разрыв, с битьем посуды, с вышвыриванием вещей в окно... Валентина в эти периоды щеголяет то с подбитым глазом, то с выбитым зубом, документально оформляет побои в травмпункте и пытается привлечь меня в качестве свидетеля. Я от этого всячески уклоняюсь: голубки непременно помирятся, и мне же она потом все выскажет...

После разрыва на какое-то время в нашей квартире наступает относительный покой. Валя залечивает синяки и побои, вставляет выбитые зубы и ходит по дому тихая и пришибленная. Потом она начинает тосковать, от скуки и безысходности приводит какого-нибудь случайного мужика, убеждается, что никто не может заменить ее несравненного Гошу, и впадает в глубокую депрессию.

А тут как раз появляется и сам герой ее романа.

Он носит цветы и конфеты, просит прощения, обещает исправиться... и все начинается сначала.

По мне, так пусть живут как хотят, но Валентина — женщина принципиальная, ей каждый раз снова нужно устраивать свадьбу по полной программе.

Вот и сейчас — она уже три дня таскает из супермаркета полные сумки продуктов, вчера весь день что-то жарила на кухне, так что было не продохнуть от чада, а сегодня с утра занялась внешностью. Ну, как же — невеста на свадьбе должна быть неотразима!

У нее даже белое платье имеется — она его как купила для первой свадьбы, так и держит в шкафу, только время от времени распускает в швах, когда оно делается тесным.

Вообще, Валентина — баба не вредная, только очень уж шумная и скандальная. И ее регулярные свадьбы действуют мне на нервы даже хуже, чем скандалы с Гошей. На эти свадьбы приходят Валькины подруги из кафе «Василек» и Гошины приятели из автосервиса, кто-нибудь из них непременно в стельку напивается и по пьяному делу наносит нашей многострадальной квартире существенный урон: то раковину своротит, то зеркало в ванной разобьет. Кто-нибудь начинает вязаться ко мне, а это еще хуже, чем разбитое зеркало.

Чего я никак не могу понять — почему они устраивают свадьбы дома? Казалось бы, сейчас такой выбор ресторанов, кафе и прочих заведений, где можно отметить семейное торжество. Можно, в конце концов, организовать все в том же «Васильке», где работает Валентина, для нее явно сделают скидку. Впрочем, дело тут не в деньгах — Гоша

вообще мужик не жадный и все время повторяет, что ему не жалко на свою свадьбу никаких денег. Нет, все дело в том, что дома они чувствуют себя свободнее и могут оттянуться по полной, с битьем зеркал и прочими народными забавами...

— Ну ладно, Мария, чего ты дуешься? — Валентина подмигнула мне, отчего зеленая маска пошла волнами, как покрытый ряской пруд. — Приходи сегодня пораньше, свадьба все-таки! Посидишь с нами, может, наконец найдешь себе кого-нибудь, а то что ты все одна да одна? Разве ж это жизнь?

Да, хорошо бы сегодня вообще не приходиться домой!

Даже если удастся проскользнуть в квартиру незамеченной, запереться у себя в комнате и сделать вид, что меня нет, — все равно я не сумею заснуть под шум и гвалт соседской свадьбы, под недружное пение разухабистых шлягеров прошлого десятилетия и под доносящийся из-за стены хохот.

Валентина снова удалилась в ванную, и оттуда донеслось ее пение. Я кое-как ополоснулась на кухне, выпила чашку кофе и поплелась на работу, думая, что делать вечером.

— **Ч**то они там — заснули, что ли? — Я вытянула шею, стараясь заглянуть за тонкую занавесочку из переливчатого шелка, которой в этом ресторане был стыдливо завешен вход на кухню. — Сорок минут уже ждем!

— Не сорок минут, а всего двадцать пять, — медленно уточнила Ольга, демонстративно погля-

дев на свои золотые часики, — вполне приемлемо для такого приличного ресторана...

— Приличный ресторан! — фыркнула я. — Людей голодом морят! Эх, встать лень, а то бы я на кухню смоталась и устроила им веселую жизнь!

— Привыкла по разным забегаловкам ходить! — тут же вскипела Ольга. — Совершенно не умеешь себя вести!

Собственно, именно этого я и добивалась — чтобы моя визави вышла из себя. Спросите — зачем мне это нужно, я не отвечу. Просто нравится ее злить.

Вот эта отлично упакованная красotka, сидящая напротив, — моя старшая сестра. Отчего-то она решила, что меня надо воспитывать и вообще принимать активное участие в моей жизни. Я иногда думаю — она действительно уверена, что без нравучений мне не обойтись, или же просто ей доставляет удовольствие меня тиранить? Кстати, такое удовольствие я как раз ей доставляю крайне редко, у меня стойкий иммунитет на родственничков.

Наконец занавеска колыхнулась, и появился официант с заставленным подносом.

— Слава богу! — оживилась я. — Жрать хочу — умираю!

— Мария! — Ольга грозно на меня посмотрела. — Вовсе незачем демонстрировать всем свои отвратительные манеры! И сядь наконец нормально, что ты развалилась на стуле, еще ноги на стол положи!

— Посади свинью за стол — она и ноги на стол! — с готовностью поддакнула я.

Ольга нахмурилась и поджала губы — не потому, что ей нечего мне сказать, просто ждала, когда офи-

циант расставит тарелки и уйдет. За словом в карман моя сестрица никогда не лезет, у нее, по выражению писателя Бабеля, всегда имеется в запасе пара слов, и слова эти, адресуемые мне, разной степени пренебрежения. Хоть бы когда-нибудь что-нибудь она у меня похвалила!

Впрочем, как я уже говорила, я эпатирую сестрицу нарочно. И внешний вид у меня соответствующий, и манеры. Вот и сегодня мы с ней составляем, надо думать, презабавную парочку. Сестрица упакована по высшему разряду — костюмчик вроде бы деловой и юбка не слишком короткая, но Ольга позволила себе довольно смелый вырез. В вырезе этом все идеально гладко, не к чему прицепиться. Дальше сапоги, каблук высокий, но не вызывающий — чтобы было видно, что дама работает, а не прохлаждается. Пальтишко перекинута через спинку соседнего стула — сестре оно очень идет, тут я не стану кривить душой. Руки с безупречным маникюром, колец всего два — обручальное, а на левой руке — с небольшим бриллиантом, подарок мужа на пять лет совместной жизни. Часики золотые, швейцарские, сестрица сама заработала, она риелтор, говорят, весьма успешный.

По сравнению со старшей сестрицей я выгляжу форменным чучелом. Джинсы, драные на коленях, растянутый у ворота свитер, минимум косметики и грубые ботинки на толстой подошве, именуемые в просторечье... ну, вы сами знаете. Ногти на руках коротко подстрижены, колец никаких, не люблю я эти побрякушки. Вот она я, Маша Голубева, полный портрет.

Мой любимый салат из японских водорослей с ореховым соусом пах очень вкусно, и я сглотнула слюну. В самом деле, есть хочется. С утра, кроме чашки кофе, во рту ничего не было!

Я взялась за вилку, но ее не было. Ресторан-то японский, и вместо столовых приборов тут подают деревянные палочки. Ольга очень ловко и аккуратно ковырялась палочками в своей тарелке. Ну, уж нет, такое не по мне!

Не глядя, я поймала за рукав пробежавшего мимо официанта.

— Золотце мое, вилку нормальную принеси! Можно без ножа, я уж так откушу!

Ольгу передернуло от моих слов, наверно, и аппетит пропал. Я думала, что вилки придется ждать не менее четверти часа, но официант принес приборы довольно быстро.

— Можешь, когда хочешь! — добродушно сказала я.

Салат исчез на удивление быстро, я как-то не заметила, куда он делся. Я ела жадно, давась и чавкая.

— Может, хватит уже? — спросила Ольга, отложив палочки. — Не надоело хамку из себя изображать?

Ничего, мы с сестрицей не так часто встречаемся, можно немножко потерпеть. Она вызванивает меня примерно раз в две недели и приглашает на обед, чтобы пообщаться. Ей хочется поплясать на моих косточках, глядя на меня, она переполняется самоуважением — вот, дескать, какая она умная, успешная и красивая. Всего достигла сама, собственными силами, а могла бы получить такой, как я.

А что, очень даже возможно. Забыла сказать, что мы с ней сестры не родные, а единоутробные, то есть отцы у нас разные, а мать одна. Судя по тому, что у нас с сестрой все разное, от внешности до внутреннего содержания, мы похожи на своих отцов. А могло бы быть наоборот — вот удались бы обе в мать, и тогда... Мамуля у нас женщина по-своему удивительная, но об этом после.

Официант принес горячее, мне — свинину в соевом соусе, а Ольге какую-то рыбу. Она у нас женщина правильная, следит за своим здоровьем, мяса вообще не ест. Мне надоело чавкать, так что в дальнейшем обед прошел в молчании.

— Мария, — сестра спохватилась, что я доем и уйду, а она не успеет меня повоспитывать в свое удовольствие, — я должна с тобой серьезно поговорить.

Ну вот, пожалуйста, начинается! Нет чтобы спокойно покушать, а потом мирно расстаться на следующие две недели!

Может, вам интересно, для чего я все это терплю? Почему бы, когда сестрица звонит и приглашает меня в ресторан, не послать ее подальше прямо по телефону? Не могу, очень люблю хорошо поесть. А за обед платит всегда она, так что справедливости ради следует терпеть ее нотации и нравоучения. За все хорошее в этой жизни приходится платить, причем, как правило, собой.

Сестрица вбила себе в голову, что я качусь по наклонной плоскости и меня надо немедленно спасать, а то будет поздно, я куда-нибудь укачусь. Откуда уже не вытащишь.

— Слушаю тебя внимательно, — обреченно сказала я.

Сестрица моя трудится риелтором, людей она насквозь видит, иначе при ее работе нельзя, как она сама говорит, риелтор — работа психологическая. Так что сейчас она поглядела на меня с недоверием, но я вовремя успела опустить глаза в тарелку. Но ничего интересного Ольга не сказала, опять та же песня.

— Отчего ты ходишь таким чучелом? — с ходу начала она. — Ни за что не поверю, что у тебя нет денег на приличную одежду.

— Где уж нам уж, — притворно вздохнула я, — мы серые, необразованные, университетов не кончали...

Это верно. Образование у меня, как пишут в анкетах, неполное высшее, а проще говоря, я бросила институт на третьем курсе. У сестрицы же не одно, а целых два верхних образования — вначале филологический факультет, а потом, когда она поняла, что знания двух языков ей недостаточно для процветания, она закончила еще экономический. Вот такая вот она у меня — упорная, настойчивая и целеустремленная. В своей риелторской конторе преуспевает, начальство ее очень ценит, она у них едва ли не первая по сделкам с недвижимостью.

А я кисну в крошечной фирмочке по наладке компьютеров. Вот, допустим, купил человек компьютер и надо ему его, как сейчас говорят, апгрейдить. Он набирает номер, вызывает нас — и дело сделано. Или чье-то чадушко сломало компьютер, а оно дня не может прожить без игр. Вызывают нас,

доплачивают за срочность — и пожалуйста, ребенок снова сидит за светящимся экраном, играет в свои стрелялки-догонялки и не мешает родителям жить в свое удовольствие.

С точки зрения сестры, моя работа — полное убожество. Денег мало, перспектив никаких. А мне нравится — смена обстановки, встречаешься с новыми людьми и так далее. Впрочем, на мало-мальски приличные шмотки денег хватило бы, просто к чему все это? Так удобнее. Но сестре такое говорить не стоит.

— Денег совсем нет! — Я шмыгнула носом. — В долг не возьму, и не предлагай!

— Да я и не думала предлагать, — удивилась Ольга, — мне не жалко, да только отдавать-то тебе не с чего. Мария, надо менять работу! У нас в дочерней фирме освободилось место секретаря, я бы могла поговорить насчет тебя... Конечно, с улицы они не возьмут, но моя рекомендация кое-чего стоит...

— Еще бы... — протянула я, и тут до меня дошел смысл сказанного, — это что — целый день в офисе сидеть, начальнику кофе подавать и посетителям улыбаться? Ужас какой!

— Это только начало! — не отступала сестра. — У тебя образования нет, что ж тебя, сразу директором устраивать? Между прочим, возможен рост, девушка, что работала до этого, закончила институт, и теперь она старший менеджер фирмы!

— Олька, я не смогу, — заныла я, — я начальнику кофе за шиворот вылью, а клиентов покусая по телефону!

— Так всю жизнь и просидишь в своей задрипанной конторе! — Сестра повысила голос.